

ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Т.Е. ВОРОЖЕЙКИНА

Государство и общество в Перу*

Даже на весьма причудливом латиноамериканском фоне последнего десятилетия Перу выделяется своеобразием и экстремальным характером социально-политического развития. Дилемма - демократия или эффективность, с которой столкнулись все без исключения латиноамериканские страны, в Перу приняла, наверное, наиболее драматические формы. Нынешний президент страны А. Фухимори обрел мировую известность после того, как в 1992 году разогнал парламент, мешавший, по его мнению, осуществлять экономическую либерализацию, и предпринял чрезвычайные меры в борьбе с террористической леворадикальной организацией "Сендеро Луминосо", увенчавшиеся в 1993 году поимкой и пожизненным заключением ее лидера А. Гусмана. С тех пор укрепление авторитарной президентской власти становится доминантой политического развития страны. Переизбранный в 1995 году на второй срок Фухимори получил мандат доверия и одобрения большинства перуанцев. Тем самым феномен демократически избранного авторитарного лидера, осуществляющего режим личной власти, получил в Перу наиболее законченные в Латинской Америке формы, хотя очевидно, что сам по себе это феномен отнюдь не только латиноамериканский¹.

Все семь лет своего пребывания на посту президента Фухимори неизменно пользовался поддержкой большинства населения. Его рейтинг в опросах общественного мнения никогда не опускался ниже 46-47%, а все его решающие для политического развития страны действия получали одобрение 70-80% опрошенных. Даже в тех редких случаях, когда он проигрывал, оппозиция не собирала больше 45—48% голосов. Большинство перуанцев, таким образом, поддержали и антиконституционный государственный переворот 1992 года, и установление новых правил политической игры, и саму игру по этим правилам.

Чем объясняется такое поведение общества? Долговременными структурными факторами - отсталостью страны, авторитарной политической культурой, слабостью демократических традиций? В этом случае дальнейшая демократизация Перу выглядит как проблема развития и модернизации, постепенной трансформации социальной структуры и создания устойчивых демократических институтов. Или же это реакция общества на сам процесс модернизации, на те экономические и политические формы, в которых он осуществляется, и на те последствия, которые он вызывает? Тогда

* Работа выполнена при поддержке Фонда мирового сообщества (Цюрих, Швейцария).

¹ Достаточно вспомнить Хорватию и Белоруссию, где демократически избранные президенты также осуществляют режим личной власти, близкой к диктаторской, и где отсутствует сколь-либо влиятельная оппозиция как политический противовес.

одобрение режима личной власти через демократические процедуры свидетельствует об особом типе взаимоотношений общества и государства и об особом политическом режиме, адекватном данному этапу модернизации. Речь идет, согласно концепции Г.О'Доннелла, о "делегативной демократии", политическом режиме, соответствующем минимальным стандартам демократии (выборы), но не обеспечивающем ни ее представительного характера, ни подотчетности власти, ни участия граждан в управлении государством [1]. В какой мере особенности делегативной демократии в Перу связаны со спецификой перуанской истории и ситуации, а в какой с общими закономерностями политической демократизации и экономической либерализации, свойственными и Латинской Америке, и значительной части посткоммунистического мира?

* * *

Ни в одной другой стране Латинской Америки физическая география не наложила столь жесткого отпечатка на географию социальную. В строгом соответствии с высотно-климатическими зонами Перу четко делится на три разных социально-экономических региона: наиболее развитое Тихоокеанское побережье - Косту, где сосредоточены крупнейшие города, обрабатывающая промышленность и экспортное сельское хозяйство; долины и плоскогорья Анд - Сьерру, где производится основная часть продуктов питания для внутреннего рынка и добывается минеральное сырье, идущее на экспорт; и редконаселенную тропическую зону - Сельву, район, несколько раз на протяжении XX века переживавший кратковременный бум главным образом в связи с разведкой и добычей нефти. Крайне разнороден и этнический состав населения. В прибрежной Косте живут потомки иммигрантов всех волн, достигавших Перу в течение 500 лет, - от испанцев и других европейцев до черных рабов, китайцев и японцев. Они частично перемешались с метисами-чоло, частично сохранили этническую и культурную идентичность. Андские долины и плоскогорья населены преимущественно индейцами кечуа и аймара, по языку и антропологическому типу резко отличающимися от многообразного населения Косты. Процессы экономической модернизации, миграция, распространение образования, особенно в последнюю треть XX века, резко повысили социальную мобильность в Перу, но и сейчас у жителей Лимы, поднявшихся в высокогорные районы Куско и Аякучо, гораздо больше общего с иностранными туристами, посещающими инкские древности, чем с местным населением.

Этнические различия очень четко коррелируют с социальными: чем выше статус человека, тем, по общему правилу, более светлая у него кожа и более европейские черты лица. Неравенство в распределении доходов и высокий уровень бедности усугубляют этнические и региональные разрывы, делая Перу одним из самых разнородных - структурно, социально и этнически - обществ Латинской Америки. Так, по словам известного писателя М. Варгаса Льюсы, «"белый" и "чоло" - это термины, которые не только указывают на расовую и этническую принадлежность человека, но определяют его социальный и экономический статус» [2].

Социальные и этнические статусные идентификации и их бесчисленные переплетения формировались на протяжении нескольких столетий. До середины XX века социальные отношения в Перу сохраняли иерархичный, сословный характер как в традиционном аграрном секторе, полностью подконтрольном землевладельческой олигархии, так и в экспортных отраслях сельского хозяйства и добывающей промышленности, контролировавшихся иностранными компаниями. Государство было подчинено олигархии, являясь продолжением ее верховенства в политической сфере, и рассматривалось господствующими группами как главный и единственный субъект политики. Это относилось и к диктаторским режимам, и к весьма недолгим конституционным интервалам между ними. Политические партии были слабыми, верхушечными и персоналистски ориентированными. Они не могли служить сколько-нибудь адекватным каналом политического представительства.

Ярким исключением был поначалу Американский народно-революционный альянс (АПРА) - созданная в 1924 году популистская партия, потребовавшая расширения политического представительства для народа, понимаемого как совокупность рабочих, крестьян, индейцев и средних слоев. Появление апризма было связано с процессами урбанизации, бывшими до середины XX века результатом не столько роста промышленности, сколько торговой экспансии городов в прилегающую сельскую местность, где сохранялись практически нетронутыми отношения полурабской зависимости крестьян и индейских общин от латифундистской олигархии и господство иностранных добывающих кампаний. Антиолигархический, антиимпериалистический дискурс этой партии, вооруженные восстания, которые она, хотя и неудачно, поднимала против диктаторских режимов, привлекли к ней множество сторонников в среде городской интеллигенции, рабочих и военных. Харизматический лидер и основатель АПРА В.Р. Ая де ла Торре провозгласил целью партии создание "антиимпериалистического государства", в котором он видел важнейшее и единственное средство освобождения Перу от внешнего господства и от олигархии. В государстве, согласно логике апризма, только и могло воплощаться национальное единство, поскольку "народ", от имени которого выступала АПРА, представлял собой крайне разнородную общность.

Выступая против политического господства олигархии и за модернизацию государства, лидеры апризма не видели в обществе собственной, автономной логики развития, что роднило их с идеологами перуанской олигархии начала века. Государство в лице популистской партии для одних или аристократии для других олицетворяло нацию и было единственным средством ее интеграции. Популизм с этой точки зрения оказывался обратной стороной, "плебейским лицом системы, которая была неспособна создать порядок, опирающийся на демократические институты" [3]. Апризм, родившийся как отрицание олигархической системы, оказался ей изоморфен, поэтому АПРА не смогла нарушить политическое господство олигархии, а со второй половины 50-х годов, включившись в политическую систему и приняв существующие правила игры, партия начинает терять влияние и сторонников, разочарованных ее беспринципным сотрудничеством с бывшими смертельными врагами.

Демократизация социальных отношений в Перу начинается только в 50-е годы в результате процессов ускоренной капиталистической модернизации. Индустриализация приводит к росту численности городских рабочих, новых предпринимательских групп, средних слоев. Индустриализация и одновременный кризис традиционных аграрных структур вызвали массовую миграцию сельского населения в города. Появилось множество крестьянских движений, отстаивающих права на землю, а также городских региональных движений, базу которых составляли недавние мигранты из деревни. Миграция 50-60-х годов стала выражением и протеста, и новых надежд и мироощущения, и новой стратегии жизни для массы угнетенного как социально, так и этнически сельского населения. Город воспринимался как синоним современности, пространство свободы от традиционного господства. Параллельно усиливались процесс секуляризации общества и кризис олигархической, сеньориальной культуры. Изменялись в сторону большей открытости позиции наиболее консервативных институтов - армии и католической церкви.

Все эти сдвиги, произошедшие за очень короткий период, привели к существенным изменениям в отношениях общества и государства. Прежде всего раздвинулись сами границы общества. В 50-60-е годы возникают новые профсоюзы и предпринимательские ассоциации, объединения лиц свободных профессий, крестьянские движения, новые политические партии. Появление этих организаций помимо и вопреки логике олигархического государства означало возникновение в Перу первых элементов гражданского общества и новой политической культуры. Рушатся старые, по существу сословные, принципы идентификации, на первый план выдвигаются требования гражданского равноправия, социального и политического гражданства для большинства населения. Особую роль в этом сыграло быстро набравшее силу новое

рабочее движение, организованные на классовых принципах профсоюзы. В политической же сфере, несмотря на появление новых партий - Христианско-демократической, Народного действия и целого спектра социалистических и леворадикальных движений, основной осью размежевания оставалось противостояние между олигархией и апризмом, явно не отражавшее к тому времени всей сложности политических противоречий в стране.

По иронии истории роль могильщика олигархического государства досталась военной диктатуре. 12 лет (1968-1980) у власти в Перу находился военный режим генерала В. Альварado, который существенно отличался от большинства правоавторитарных южноамериканских диктатур того периода. Объявив главным тормозом развития страны господство олигархии и иностранного капитала, перуанские военные попытались в первой половине 70-х годов осуществить широкомасштабную программу социально-экономической трансформации на основе этатистского, перераспределительного курса. Они провели радикальную аграрную реформу, практически покончившую с латифундистским землевладением, национализировали сырьевые отрасли экономики и банки, попытались изменить режим собственности в обрабатывающей промышленности, введя обязательное участие рабочих в управлении и прибылях частных предприятий. В политическом отношении перуанский военный режим был несравненно мягче своих аналогов в Бразилии, Аргентине, Чили и Уругвае. Репрессии не носили здесь массового характера, хотя деятельность основных политических партий была официально запрещена, а средства массовой информации поставлены под государственный контроль. Военные провозгласили "третий путь", отвергающий, по их мнению, ложный выбор между капитализмом, основанным на частной собственности, и коммунизмом, подчиняющим экономику и общество тотальному государственному контролю.

Согласно классификации А. Степана, перуанский военный режим на первом этапе (1968-1975) представлял собой пример корпоративизма "включающего" типа, при котором государственная элита стремится восстановить нарушенное в процессе модернизации равновесие между государством и обществом, инкорпорируя сильные группы рабочего класса в новую экономическую и политическую модель. Он отличается от "исключающего" корпоративизма, присущего странам латиноамериканского Южного конуса, предполагающего достижение нового равновесия между государством и обществом главным образом путем принуждения по отношению к сильным группам рабочего класса, с тем чтобы покончить с их независимой активностью и затем подчинить организационно [4]. По логике "включающего" корпоративизма социальная мобилизация должна была осуществляться "сверху". Она предполагала создание подконтрольных массовых организаций, которые могли бы служить рычагом проводимых преобразований и средством контроля государства над обществом. Эти организации должны были вытеснить уже существующие классовые или популистские профсоюзы в соответствующих отраслях экономики.

Осуществление этой политики имело двоякий эффект. С одной стороны, были действительно созданы проправительственные профсоюзы, особенно успешные в тех сферах, где предшествующий уровень организации был относительно слабым. Однако именно там, где военному правительству удалось создать наиболее массовые организации, они довольно быстро вышли из-под государственного контроля, приобретая собственную автономную логику развития. С другой стороны, преобразования первой половины 70-х годов вызвали обострение всех социальных и политических противоречий в перуанском обществе и, как следствие, усиление активности и рост численности независимых от военного режима организаций (как тех, кто оказывал ему условную поддержку, так и тех, кто был в открытой оппозиции). Процесс организации, структурирования перуанского общества, уплотнения его ткани резко ускорился, несмотря на существование диктаторского режима в политической сфере.

Подорвав господство олигархии в социально-экономической сфере, военный режим впервые в истории страны создал условия для расширения гражданского общества, для

включения в него новых народных организаций, для преодоления колоссального разрыва (по существу, пропасти) между "обществом" и "народом". В то же время, разрушив политические основы олигархического господства - систему представительства, партий, средств массовой информации, военный режим осуществил "политическую революцию", отделив (опять-таки впервые в истории страны) власть от собственности, и прежде всего от собственности на землю. Это разделение было осуществлено насильственными, антидемократическими методами. Однако результатом стала демократизация как отношений собственности, так и властных отношений, поскольку изменился характер связей между обществом и государством. Общество в лице профсоюзов, крестьянских организаций, ассоциаций учителей, лиц свободных профессий, жителей городских кварталов обрело невиданную прежде возможность воздействовать на политику государства.

Не удивительно, что военные оказались не готовы к подобному развитию событий. Вместо контролируемого сверху процесса интеграции общества они столкнулись с нарастающей волной массового движения, с требованиями дальнейшего перераспределения и проведения социальной политики в пользу низов. К середине 70-х годов режим начал сталкиваться и с негативными экономическими последствиями собственных реформ. Речь шла о типичных изъянах всякого этатистски-перераспределительного курса: неэффективности предприятий государственного сектора, росте дефицита товаров первой необходимости, цены на которые контролировало государство; декапитализации частных предприятий, сокращении производственных инвестиций, нарастающей коррупции чиновников. Одновременно изменилась ситуация в мировой экономике в связи с нефтяным кризисом 1973 года, что также крайне отрицательно сказалось на платежном балансе Перу, резко сузив возможности для социального маневра.

С 1976 года новое военное руководство отказалось от дальнейшего продолжения реформ, свернуло все социальные программы, ликвидировало гарантии занятости в государственном и частном секторах и начало осуществлять согласованную с Международным валютным фондом (МВФ) стандартную программу экономической стабилизации. В 1977-1978 годах, столкнувшись с массовым недовольством экономической ситуацией и крупнейшими в истории страны забастовками, военные приняли решение о передаче власти гражданскому правительству.

Уход военных от власти в Перу был в гораздо большей мере результатом становления гражданского общества и роста экономических противоречий, чем удовлетворения собственно демократических требований в узком смысле слова. Это существенно отличало Перу от таких стран, как Чили, Уругвай, Аргентина и Бразилия, в каждой из которых существовало мощное движение за возвращение к демократии. В Перу требования демократии социальной и демократии политической имели практически до самого конца 70-х годов разных носителей. Первые ассоциировались с находящимися на подъеме народными движениями, в то время как вторые были связаны преимущественно с традиционными политическими партиями правого и популистского толка и с поддерживавшей их интеллигенцией. Вместе с тем итоги военного правления оказались столь разочаровывающими, причем в наибольшей мере как раз для тех слоев, которые вначале возлагали на военных самые сильные надежды, что итог президентских выборов 1980 года стал совершенно неожиданным: 45% избирателей проголосовали за возвращение к власти человека, которого военные свергли в 1968 году, - лидера партии Народное действие Ф. Белаунде Терри. Политическая ситуация в Перу, казалось, повернулась вспять.

Коренным образом, однако, изменилась экономическая ситуация. Прежняя экономическая модель, основанная на этатизме и стратегии индустриального развития, ориентированная на замещение импорта, исчерпала свои внутренние ресурсы и перестала соответствовать изменившейся мировой экономике. Главной проблемой и головной болью демократических правительств Перу в 80-е годы стала реструктуризация экономики. Столкнувшись с падением доходов от экспорта, с сокращением

частных капиталовложений и колоссальными расходами на обслуживание внешнего долга, правительство попыталось осуществить стандартную программу неолиберальной реструктуризации, но сделало это крайне неудачно. Центральный элемент программы - приватизация государственной собственности — провалился, дефицит государственного бюджета рос, инфляция с весьма скромных по тогдашним латиноамериканским меркам 60% в 1980 году поднялась до 125% в 1983 году и до 170% в 1985 году. Покупательная способность заработной платы с 1982-го по 1985 год сократилась более чем на 35%. Доля полностью безработных составляла в 1985 году 11%, в то время как с проблемой частичной занятости столкнулось более половины экономически активного населения.

В 1985 году президентом Перу был избран лидер АПРА А. Гарсия, личная популярность которого обеспечивала огромный первоначальный запас политического доверия. В отличие от предшественника он сделал упор на неортодоксальное урегулирование - стимулирование спроса и перераспределение. Контроль за ценами, замораживание обменного курса (после первоначальной резкой девальвации), ограничение выплат по внешнему долгу и увеличение государственных капиталовложений принесли позитивные результаты в первые два года: ВВП вырос на 16%, инфляция сократилась вдвое, увеличилась реальная заработная плата и несколько сократилось неравенство в распределении доходов. Однако этот курс достаточно быстро выявил свою несостоятельность. Кратковременный экономический подъем, а также рост и перераспределение доходов вызвали потребительский бум и соответственно рост импорта. Напротив, доходы от экспорта сократились, резко вырос дефицит государственного бюджета, приведший к новому витку инфляции, а затем к гиперинфляции². Ситуация усугубилась тем, что в ответ на решение правительства ограничить выплаты по внешнему долгу 10% доходов от экспорта МВФ объявил Перу "нежелательным заемщиком", что полностью отрезало страну от внешних кредитов. В результате с 1988 года правительство утратило контроль за экономической ситуацией.

Провалы в экономической политике демократических правительств имели разрушительные социальные последствия. ВВП на душу населения к концу 80-х годов снизился до уровня 1960 года. Более 50% населения имели доходы ниже официальной черты бедности. Бремя экономических издержек было распределено крайне неравномерно и углубило и без того высокое неравенство в доходах. При этом важно помнить, что Перу - относительно бедная по латиноамериканским стандартам страна, ее душевой ВВП был в тот период в два-три раза ниже, чем в таких странах, как Чили, Мексика, Бразилия и Аргентина.

* * *

Важнейшим следствием перуанского социально-экономического кризиса 80-х годов стал бурный рост неформального сектора - мелкого, незарегистрированного производства, мелкой розничной и оптовой торговли, нелегальной сферы услуг, различных форм так называемой самостоятельной занятости. Неформальная экономика возникла в Перу уже в 50-70-е годы в связи с массовой миграцией в город сельских жителей, значительная часть которых из-за отсутствия образования и квалификации, низкого социального и этнического статуса не могла найти работу в современном секторе и оседала в неформальной сфере. Именно тогда в большинстве перуанских городов, особенно в Лиме, появились растущие зоны трущоб, получивших при военном режиме наименование "молодых поселков". В 80-е годы неформальная занятость стала важнейшим амортизатором социальных последствий экономической реструктуризации (подробнее см. [5]). В целом доля неформальной занятости среди экономически активного населения увеличилась с 32,8% в 1981 году до 47,6% в 1991 году.

² В 1989 году инфляция в Перу составила 2800%, в 1990 году -7400%.

Столь резкое изменение социальной ситуации не могло не сказаться на процессах, происходящих в гражданском обществе, и на его взаимоотношениях с государством. Классовые профессиональные организации, столь успешно действовавшие в 70-е годы, оказались особенно уязвимыми в условиях экономического кризиса, подрывавшего возможности коллективного действия. Занятость в наибольшей мере сократилась в тех секторах экономики, промышленности и коммунального хозяйства, где уровень объединения в профсоюзы был самым высоким. Трудящихся неформального сектора, тех, кто работал на основе временного, часто устного контракта (а таких становилось все больше), было практически невозможно организовать на принципах классовой солидарности - настолько частичны, разнородны и разнонаправлены были их собственные интересы. Более того, борьба за сохранение занятости и уровня оплаты для объединенных в профсоюзы рабочих никак не улучшила положения остальной, многократно превосходившей их численно, части трудящихся. Напротив, гарантии занятости и заработной платы для одних означали сокращение возможностей получить даже низкооплачиваемую работу в формальном секторе для других. Профсоюзы воспринимались трудящимися неформального сектора в лучшем случае безразлично, а в худшем - как защитники и без того привилегированных слоев рабочих. В силу этих и ряда сходных причин классовое рабочее движение в Перу к концу 80-х - началу 90-х годов утратило позиции, которые оно занимало в 70-е годы.

Более эффективными оказались новые социальные движения, целью которых было обеспечение условий выживания через самоуправление - ассоциации мелких производителей, низовые христианские общины, столовые для бедных, совместные кухни в городских кварталах, ассоциации сельских производителей и разнообразные неправительственные организации. Их возникновение стало результатом самоорганизации трудящихся неформального сектора и массового перехода в него тех, кто ранее был занят в легальной экономике, в условиях падения уровня жизни в обоих секторах. Новые социальные движения ориентировались на удовлетворение элементарных жизненных потребностей и поэтому были гораздо более гибкими, прагматичными, децентрализованными и плюралистичными, чем крупные ассоциации предыдущего десятилетия, объединявшие трудящихся по отраслевому и классово-идеологическому принципу. Общество по сути взяло на себя те функции, которые государство в ситуации кризиса оказалось неспособно выполнять, - обеспечение материальных условий воспроизводства социальных отношений.

Общественные движения 80-х годов сыграли очень важную роль в структурировании гражданского общества в Перу, несмотря на то, что своим появлением они были обязаны чрезвычайным социально-экономическим обстоятельствам. Новые формы социальной организации не были, как в предыдущее десятилетие, прямым или обратным результатом политики государства. Напротив, они с самого начала развивались как автономные ассоциации гражданского общества, причем именно в тех слоях населения, которые традиционно существовали вне общества. Как это ни парадоксально, но именно глубина кризиса и неспособность государственных институтов справиться с его социальными последствиями стимулировали возникновение общественных институтов, обеспечивших каналы участия и социального гражданства для прежде исключенного из этого процесса большинства населения Перу. Это открывало определенные возможности для сотрудничества, объединения усилий государственных органов и общественных организаций на низовом уровне.

Муниципалитеты зачастую оставались единственным, хотя и хрупким связующим звеном между государством на центральном уровне и обществом на уровне местного самоуправления. Включенность в повседневные нужды и проблемы населения, а также крайняя ограниченность финансовых ресурсов заставляли муниципалитеты объединять усилия с общественными ассоциациями, частично принимая их требования, частично интегрируя их в собственные проекты. В свою очередь многие из новых социальных движений, сотрудничая с органами местного управления, были вынуждены

корректировать собственные позиции, сочетая (хотя и в очень ограниченной степени) адресованный государству протест с конкретными предложениями.

Это вело к качественному изменению господствовавших в левой, народной культуре представлений о власти исключительно как о предмете политической конфронтации на государственном уровне. Власть во все большей мере стала восприниматься как множественное отношение, включающее индивида на уровне семьи, соседского сообщества, производства, потребления, государственных институтов и автономных ассоциаций. Повседневная практика позволяла воздействовать на отдельные, неполитические аспекты властных отношений и способствовала зарождению демократической политической культуры в Перу, отходу от чисто этиатистских концепций политики.

В целом, однако, новые социальные движения 80-х годов в гораздо большей мере объединяли недоверие и скепсис по отношению к государственным структурам, чем желание сотрудничать с ними. Это было связано, с одной стороны, с уже упоминавшейся неспособностью государства обеспечить минимальные условия воспроизводства социальных отношений в условиях кризиса, с его фактическим уходом из сферы социальной поддержки наиболее уязвимых слоев. С другой стороны, массовый характер неформальной занятости и относительный успех самоорганизации и самообеспечения также усиливали антиэтиатистские настроения в новых социальных движениях. Их собственный опыт был в определенной мере созвучен тем либеральным идеям, которые в 80-е годы активно пропагандировал в Перу Институт свободы и демократии³.

Не следует, конечно, преувеличивать влияние неолиберальных идей в среде новых социальных движений и неправительственных организаций. Большинство из них было основано на солидаристских принципах и так или иначе связано с левыми политическими партиями и левой интеллигенцией в университетах. Однако появление новых форм социальной организации, целью которых была борьба за выживание, преобладание неформального производства и управления, привели к тому, что дискуссии о рынке, эффективности, доходности, иной трудовой этике воспринимались новыми социальными движениями на уровне здравого смысла и повседневной практики. Эти сдвиги в мироощущении, несомненно, способствовали развитию гражданского общества.

Вместе с тем опыт неформального производства и самоорганизации усиливал тенденцию к фрагментации социального действия и нарастающую аномию. Слабостью с точки зрения дальнейших перспектив развития гражданского общества оборачивался и антиэтиатизм, принципиальная деполитизация ряда новых общественных движений и неправительственных организаций. Если в 70-е годы различные социальные движения стремились к расширению политического гражданства, новые социальные акторы 80-х в основном концентрировались на элементарных нуждах, обеспечивающих материальные условия социального воспроизводства, и были лишены возможности воздействовать на политику государства. Если большинство социальных движений 70-х

³ В 1986 году вышла нашумевшая книга "Другой путь" президента этого института перуанского экономиста Э. де Сото. В ней неформальный сектор рассматривался как латиноамериканский аналог капитализма периода свободной конкуренции, единственно способный преодолеть экономическую отсталость и социальную дезинтеграцию при условии, что будут сняты препятствия для его свободного развития и государство легализует его существование без того, чтобы душить налогами и вмешиваться в его деятельность. Принципы, на которых функционировал неформальный сектор, должны, с точки зрения де Сото, быть распространены на всю экономику, вмешательство государства в ее регулирование следовало максимально сократить, тем самым ликвидировав почву для паразитизма всей государственной системы в Перу. Таким образом, неформальный предприниматель из изгоя, маргинала, уклоняющегося от налогов нелегала превращался в носителя частной инициативы, открывающего путь для преодоления бедности и социально-экономической отсталости. Государство, вес которого был явно избыточен с точки зрения достигнутого уровня развития капитализма, в этой схеме становилось "главным ответственным", виновником и осязаемой причиной сохраняющейся бедности.

годов было общенациональным, что позволяло им объединить свои усилия, то новые движения 80-х характеризовала очаговость, замкнутость на себя, поэтому их деятельность носила частичный характер. Их сотрудничество с другими группами на долгосрочной основе было затруднено. Все эти негативные тенденции обусловили главную слабость социальных движений 80-х годов по сравнению с организациями 70-х - их фрагментированность, недолговечность и отсутствие преемственности в деятельности.

Таким образом, противоречивые процессы 80-х годов способствовали качественному расширению гражданского общества благодаря распространению организации на широкие слои прежде маргинализованного населения и одновременно делали социальную ткань более "разреженной", поскольку преобладающими стали слабо институционализированные формы ассоциаций. Позитивное, "синергетическое" взаимодействие таких ассоциаций с государством было объективно затруднено, к тому же большинство из них с недоверием относились к государству как к представляющему чуждые народному движению интересы и стремились сохранить свою автономию. Для такого недоверия были весьма серьезные основания: органы государственной власти на муниципальном уровне и партии, в них представленные, часто рассматривали общественные ассоциации как объект кооптации и политического клиентелизма, а не как равноправного независимого партнера. В этих отношениях на новом уровне проявилась традиционная для Перу слабость как государства, так и гражданского общества: если сотрудничество с государством грозит институтам гражданского общества потерей субъектности, это свидетельствует об органических изъянах и того и другого.

Все это происходило в первое десятилетие после возвращения Перу к политической демократии, т.е. в условиях, когда уровень социальных ожиданий и требований, предъявляемых к политической системе, был очень высоким. Кричащее несоответствие результатов деятельности демократических правительств ожиданиям вызвало кризис системы политического представительства. Обозначился очевидный и углубляющийся разрыв между развивающимся гражданским обществом в лице новых социальных движений и политическим обществом, представленным политическими партиями. Новые социальные движения, подъем которых был во многом связан с неспособностью государства справиться с последствиями экономического кризиса, справедливо критиковали существующую партийную систему как исключющую подлинное народное представительство. Это относилось не только к правившим в 80-е годы правым и центристским партиям, но и в растущей мере к их соперникам слева.

В 80-е годы политическое влияние левых партий и движений в Перу было уникальным для Латинской Америки того периода. В большинстве стран континента (за исключением Бразилии) возвращение к демократии в ситуации острейшего экономического кризиса оказалось крайне неблагоприятным для левых: их демократическая репутация была сомнительна или по крайней мере безусловна, а их антикапитализм воспринимался как один из вариантов столь очевидно провалившегося этатистского экономического курса. В Перу левые партии, объединившиеся в 1980 году в избирательную коалицию "Единые левые", смогли к середине десятилетия стать второй по значимости политической силой. На общенациональных выборах 1980-1986 годов они контролировали от 1/4 до 1/3 электората. Это можно объяснить, с одной стороны, ростом влияния левых в предыдущие два десятилетия, с другой - проявившийся к тому времени провал неолиберальных методов реформирования экономики породил в умах многих избирателей устойчивую связь между неолиберальной риторикой и обрушившимися на них бедами: инфляцией, уменьшением зарплаты и безработицей [6]. Поэтому экономический проект левых, ориентированный на перераспределение и активное государственное вмешательство, соответствовал настроениям большинства перуанцев.

В 1983 году "Единые левые" завоевали посты мэров в 30 городах, включая Лиму. На президентских выборах 1985 года лидер коалиции А. Баррантес собрал 23% голосов и в течение двух лет был лидером опросов общественного мнения как наиболее

вероятный победитель на следующих президентских выборах. На муниципальных выборах 1986 года левые расширили свое представительство в провинциальных городах, получив более 30% голосов. Это оказалось, однако, их наивысшим успехом: за стремительным ростом влияния левых сил в первой половине 80-х годов последовала столь же стремительная его потеря во второй половине десятилетия. Приход к власти в муниципалитетах, а также выглядевшая вполне реальной перспектива ее завоевания на национальном уровне обострили разногласия внутри коалиции, которая и без того никогда не была однородной. Умеренная часть "Единых левых" во главе с Баррантесом выступала за сотрудничество с апристским правительством и политический союз с АПРА, с тем чтобы на следующих президентских выборах не допустить праволиберальные силы к власти. Странники более радикального течения, представленного Объединенной мариатегистской партией, считали, что завоеванное пространство должно быть использовано прежде всего для политического представительства и защиты ассоциаций гражданского общества, для борьбы за права гражданства социально и политически исключенной из него части населения Перу. В ситуации экономического кризиса и нехватки финансовых ресурсов, когда левые партии несли прямую ответственность за эффективность управления на муниципальном уровне, эти разногласия приобретали весьма драматический характер. В 1989 году коалиция раскололась, и ее части сразу потеряли электоральное влияние.

Противоречия между левыми партиями и контролируемые левыми муниципалитетами, попытки местной власти подчинить и использовать в своих целях гражданские ассоциации, клиентелярная практика обмена политическими и административными услугами — все это достаточно быстро подорвало престиж левых партий в глазах их электората - организованных и неорганизованных трудящихся и значительной части маргинальных слоев. Обладание властью в муниципалитетах в целом обернулось для левых колоссальным политическим проигрышем - на них также распространилось недоверие большей части перуанского общества к государству, к политическим институтам. Их стали воспринимать в одном ряду с традиционными политическими партиями, полностью дискредитированными провалами в экономической политике, коррупцией и неэффективностью государственного управления.

Часть леворадикальных организаций, принадлежавших к коалиции "Единые левые", стремилась избежать подобного "ослабления властью", ориентируясь преимущественно на деятельность в гражданском обществе, в ассоциациях и неправительственных организациях, обеспечивавших экономическое выживание маргинализованного большинства населения. Однако, действуя таким образом, левые, по сути, перестали выступать как политическая сила, отстаивающая альтернативный политический проект. В политическом плане это не выглядело ни убедительным, ни мобилизующим поддержку тех, кто жаждал быстрого улучшения своего крайне тяжелого положения.

Гораздо более привлекательным оказался дискурс уже упоминавшегося неолиберального Института свободы и демократии. В нем ответственность и вина за главную социальную проблему страны - бедность - однозначно возлагались на государство и, соответственно, предлагалась мобилизация усилий всего общества, а не отдельных классов или секторов против такого государства. Парадоксально, но в ситуации кризиса леворадикальные организации, исторически и генетически связанные с конфронтационными методами и стратегией борьбы за власть, оказались сторонниками постепенного усиления гражданского общества и уплотнения социальной ткани, в то время как крайние либералы-рыночники предложили в качестве альтернативы революционную трансформацию существующих государственных институтов. (Де Сото прямо называл необходимую трансформацию "революцией против меркантилизма" [7].) Вместе с тем поражение политической стратегии левых партий свидетельствовало и о том, что процессы, развивавшиеся в политической сфере и в гражданском обществе, были разнонаправлены и взаимно гасили друг друга: именно та деятельность, которая усиливала гражданское общество, ослабляла альтернативный политический проект левых.

В 80-е годы в Перу появилась новая сила, оказавшая мощнейшее и все более разрушительное влияние и на политическую сферу, и на гражданское общество, - "Сендеро Луминосо". Эта леворадикальная террористическая организация была создана в 1970 году профессором философии университета Сан Кристоаль де Уаманга в Аякучо А. Гусманом, ставшим под именем "председатель Гонсало" ее единоличным "вождем и учителем". Организационно "Сендеро Луминосо" была продуктом бесконечного дробления внутри прокитайского крыла перуанских левых в 60-70-е годы и казалась обреченной остаться одной из многих студенческих сект, "единственно верно" толкующих учение Мао Цзедун. Однако обстоятельства времени и в особенности места обусловили иную судьбу, превратившую "Сендеро Луминосо" в важнейший и трагический фактор перуанской действительности.

Весьма экзотическая в условиях Перу идеология чистого маоизма, на символу, ческом уровне апеллировавшая к образам и реалиям Китая 30-х годов, оказалась, как это ни странно, вполне адекватной для выражения настроений и стремлений той части провинциальной метисной интеллигенции, из которой вышли и руководители, и основные кадры "Сендеро Луминосо". Эта среда сформировалась в результате быстрого распространения среднего и высшего образования в 60-70-е годы. По этому показателю Перу переместилась с 14-го места в Латинской Америке в 1960 году на 4-е место в 1980 году. Особое значение образовательный взрыв имел в тех, наиболее отсталых андских районах, где книжное знание и испанский язык воспринимались индейским и метисным большинством как важнейшее средство сохранения векового господства креольской олигархии. Получить образование и в особенности дать образование детям значило получить возможность вырваться из забитости, нищеты, угнетенного положения, овладев "оружием" угнетателей. В 1969 году именно в Аякучо (одном из самых бедных департаментов Перу) развернулось массовое крестьянское движение, целью которого была не земля, как во многих других районах страны, а борьба против попыток отменить бесплатное обучение в школах.

Попад в университет, студенты неизбежно порывали с миром своих отцов, с его жесткой иерархией и патриархальной андской традицией и, возвращаясь в родные места физически, уже не могли вернуться психологически. Но в мир городской вестернизированной, креольской они также не попадали: он продолжал отторгать их как провинциалов, метисов, говорящих на кечуа. Окончив университет, молодые интеллектуалы становились не столько носителями прогресса и просвещения, сколько резервуаром горечи и протеста.

В то же время университетское образование не означало для большинства молодых людей окончательного разрыва с господствующей ментальностью традиционного общества с его строгой иерархией, авторитетами и потребностью в учителе, внешнем руководителе. Разрушенную цельность традиционного мировосприятия не могли компенсировать сложные и противоречащие друг другу теории, которые предлагали западные социальные науки и философия. Цельность была найдена в той упрощенной версии марксизма-ленинизма, которая получила широкое распространение в перуанских университетах в 70-е годы. Марксизм-ленинизм, в особенности в его китаизированном варианте, как "единственно верная и подлинно научная теория" в наибольшей мере отвечал интеллектуальным поискам порядка и прогресса в условиях все еще сохраняющегося полутрадиционного психологического контекста. Марксистская теория предлагала новый, жестко иерархичный порядок, к которому можно было приобщиться, приобщаясь к партии, и идею однолинейного прогресса, неизбежно приводящего к гармоничному будущему. Обращение к классикам марксизма означало обращение к авторитетам, к которым восходила теория "всесильная, потому что верная". Живой вождь и учитель "председатель Гонсало" выступал и как воплощение мудрости и образованности (профессор философии), и как единственный толкователь истины [8].

Возникновение "Сендеро Луминосо" стало, таким образом, результатом нескольких взаимосвязанных процессов: ускоренной модернизации и усилившегося социального

исключения, демократизации образования и сохранявшейся узости рынка труда для тех, кто смог это образование получить, а также колоссальной психологической дезадаптации недавних выходцев из традиционной среды. В 1980 году после десятилетней кропотливой подготовки "Сендеро" начала вооруженные действия - взрывы мостов, линий электропередач, шахт, захваты поселков, сельскохозяйственных предприятий, государственных учреждений. В контролируемых ею "освобожденных зонах" "Сендеро" устанавливала свою власть и осуществляла "революционную законность": алькальдов, членов общинных советов, мировых судей и других представителей сельской администрации неизменно казнили "по приговору революционного трибунала". Сендеристы изгоняли, а зачастую и убивали деревенских богачей, торговцев, ростовщиков, а также бандитов и скотокрадов, терроризировавших местных жителей.

Поскольку характер перуанского общества определялся "председателем Гонсало" как "полуфеодальный", разрушению и физическому уничтожению подлежало все, не укладывавшееся в прокрустово ложе этой маоистской концепции: торговля, местная инфраструктура, а также все, связанные с ее поддержанием, - инженеры, агрономы, антропологи. Беспощадному преследованию подвергались крестьяне, оказывавшие какое-либо содействие правительству; преследовались и те, кто вопреки запретам сендеристов принимал участие в выборах. Со второй половины 80-х годов в соответствии с маоистскими канонами народной войны "Сендеро" перенесла ее "из деревни в город", достаточно быстро распространив свое влияние на часть поселков нищеты в Лиме, чему в решающей степени способствовал экономический кризис.

Ни государственная власть, ни общество, ни основные политические партии Перу оказались абсолютно не готовы к появлению такого феномена, как "Сендеро Луминосо". Скорость, с которой она расширяла пространство своего военного и политического присутствия, была тем более впечатляющей, что речь шла об организации принципиально сектантской, ни с кем не сотрудничавшей и не признававшей никаких союзников ни в стране, ни за рубежом. Пространство, в котором "Сендеро" претендовала быть единоличным demiurгом общества "великой гармонии", должно было быть полностью расчищено. Отсюда непомерный, казалось бы, совершенно неоправданный уровень развязанного "Сендеро" насилия.

Правительства Белаунде Терри и Гарсии попытались остановить "Сендеро" встречной волной насилия. В результате крестьянство андских районов, оказавшись "между молотом и наковальней", стало главной жертвой внутренней войны. Его отношение к "Сендеро" не было тем не менее однозначным и разнилось в зависимости от характера сельскохозяйственного производства, экономического и географического положения поселков. Первоначально эгалитарный порядок, устанавливаемый "Сендеро", получил поддержку части крестьянства высокогорных долин, увидевшего в этой организации защитника от векового произвола и притеснений со стороны чуждой и враждебной государственной власти, от попыток ликвидировать результаты аграрной реформы и скупки земли бывшими помещиками. Особой поддержкой "Сендеро" пользовалась в долине реки Уальяга, где она обеспечивала защиту крестьян и фермеров, занятых выращиванием коки, взимая с них и с производителей кокаина "революционный налог". Однако вскоре "Сендеро" нарушила равновесие между убеждением и устрашением тех "масс", от имени и во имя которых она вела революционную войну. Террор "Сендеро" достиг такого уровня, что большинство населения начало относиться к ней как к врагу и, что не менее важно, стало воспринимать государственную власть как меньшее зло и сотрудничать с государством против нее. Около 250 тыс. человек вступили в организации местной самообороны. Такой массовости невозможно достичь только путем принуждения со стороны военных властей.

Деятельность "Сендеро", явившаяся чудовищным порождением противоречий перуанской действительности, их крайнего обострения в условиях экономического кризиса, оказала самое разрушительное влияние и на государство, и на общество.

В результате внутренней войны и террора в стране образовались гигантские политико-административные пустоты, зоны, в которых государственные институты или полностью исчезли, или присутствовали только в лице армии. Алькальды, судьи, полицейские, служащие местных органов власти, учителя были убиты или вынуждены бежать. Самоуправляющиеся общественные организации, взявшие на себя функции разрушавшегося в условиях кризиса государства, также оказались под ударом. Их активисты целенаправленно уничтожались сендеристами, справедливо считающими их конкурентами во влиянии на массы. И без того непрочная и разреженная ткань формировавшегося гражданского общества подверглась уничтожению и со стороны "Сендеро", и со стороны репрессивных органов, не делавших большого различия между сендеристами и "сочувствующими". Фактор "Сендеро" стал разрушительным и для большинства политических партий Перу - как для правивших в 80-е годы и проявивших полное бессилие Народного действия и АПРА, так и в особенности для левых, для которых наличие леворадикальной террористической организации оказалось еще одним фактором раскола и политической дискредитации.

В целом в результате внутренней войны уровень авторитаризма и насилия в политической культуре Перу резко возрос. Общество и политика, по словам перуанского исследователя К. Тапии, "сендеризировались".

* * *

Ситуация, сложившаяся в Перу накануне президентских и парламентских выборов 1990 года, была, таким образом, весьма близкой к катастрофической. Экономический кризис, принявший с середины 1988 года неуправляемый характер; неконтролируемая гиперинфляция; еще большее обнищание подавляющего большинства населения; падение эффективности государственной власти и ее исчезновение на части национальной территории; слабость и неустойчивость нарождающихся институтов гражданского общества; разложение и распад партийной системы; наконец, распространение насилия как повседневной практики и накопившаяся усталость от него - все это порождало атмосферу отчаяния, с одной стороны, и пассивное ожидание спасения - с другой. За 10 лет демократии все, казалось, было испробовано - и неолиберализм, и неортодоксальный популизм. В итоге каждый следующий политический деятель, на которого возлагались такие надежды, оказывался хуже предыдущего.

Поэтому политики, ассоциировавшиеся в общественном мнении с существующими партиями, практически не имели шансов на президентских выборах 1990 года. Победу на них оспаривали два неполитика - писатель Варгас Льоса и мало кому известный в то время профессор математики, бывший ректор Аграрного университета А. Фухимори. Варгас Льоса, возглавлявший правоцентристскую коалицию Демократический фронт, предлагал выход из кризиса на путях неолиберальной революции, в духе идей Института свободы и демократии. Фухимори - лидер непартийной коалиции "Камбио 90" - выдвинул в противовес Варгасу Льосе технократическую, антинеолиберальную платформу, основными лозунгами которой были: "труд, честность, технология"⁴. Она предусматривала сохранение активной роли государства в экономике, осуществление постепенной экономической и финансовой стабилизации, но не ценой дальнейшего падения производства и роста безработицы, отказ от массовой приватизации, государственное стимулирование мелких, трудоинтенсивных предприятий.

Во втором туре президентских выборов Фухимори одержал убедительную победу, набрав 57% голосов против 35% у Варгаса Льосы. Решающую роль в этом сыграл, согласно опросам общественного мнения, страх низкодоходных и бедных групп

⁴ Эти лозунги явно апеллировали к добродетелям, характерным для японской общины в Перу, и звучали как обещание внедрить их в глубоко коррумпированное перуанское общество и государственный аппарат [9].

перуанских избирателей перед той радикальной программой стабилизации и структурных реформ, за которые выступал Варгас Льюса и которые в представлении большинства населения были связаны с дальнейшим сокращением занятости и ростом бедности. Предпочтения избирателей достаточно четко коррелировали с их социальным статусом. Программа Варгаса Льюсы была поддержана высшими и подавляющим большинством средних слоев перуанского общества, уставшими от перманентного хаоса и популистских экспериментов в экономике. За Фухимори проголосовали большинство городских трудящихся, в том числе неформального сектора, крестьяне и сельскохозяйственные рабочие.

Придя к власти, Фухимори, однако, очень быстро, буквально в считанные дни сменил свою левоцентристскую ориентацию на противоположную и начал осуществлять программу стабилизации и структурной перестройки экономики, разительно схожую с программой его соперника. Правительство одновременно либерализовало цены на основные продукты питания и горючее, ввело свободный обменный курс, резко снизило таможенные тарифы и ликвидировало ограничения на рынке капиталов. В дальнейшем была осуществлена финансовая реформа, сокращен персонал государственных учреждений и предприятий, государственный сектор и государственные финансовые институты были приватизированы, отменены гарантии занятости и индексация заработной платы, были проведены общая либерализация трудовых отношений и приватизация системы социального обеспечения.

Столь резкий отход политики нового президента от его избирательной платформы не был новостью в латиноамериканской политике: подобные ситуации случались и в Аргентине, и в Боливии, и в Эквадоре. Этот феномен отражал, с одной стороны, отсутствие реальной альтернативы неолиберальному экономическому курсу, особенно очевидное на фоне провалов попыток неортодоксальной стабилизации в предыдущее десятилетие, а с другой - специфику президентского правления в Латинской Америке, в большинстве стран которой отсутствуют эффективные механизмы горизонтальной подотчетности исполнительной власти. Поэтому избиратели там обычно и не ждут выполнения предвыборных обещаний и в принципе готовы принять любой поворот политики, даже если они голосовали за прямо противоположный курс. При этом неважно, какие приводятся основания для столь явной непоследовательности (Фухимори, например, ссылался на открывшийся ему лишь после избрания уровень неуправляемости экономики и коррумпированности государственного аппарата при предыдущем режиме). Важно, что "какими бы ни были достоинства подобной политики для данной страны и в данное время, ее внезапное принятие не способствует усилению общественного доверия, в особенности если непосредственным и наиболее очевидным ее результатом становится дальнейшее понижение и без того низкого уровня жизни большинства населения" [1, p. 66].

В Перу отсутствие механизмов подотчетности президентской власти осложнялось уже упоминавшимся кризисом всех представительных институтов и политических партий. Фухимори и его блок "Камбио 90" не получили большинства в Национальном конгрессе на выборах 1990 года. Впрочем, ни одна партия или коалиция также не имели большинства мест, дающего возможность контролировать парламент. В этой ситуации Фухимори занял позицию агрессивного противостояния конгрессу, критикуя его за неэффективность, коррупцию и obstructionism по отношению к президенту, стремящемуся стабилизировать экономику и победить терроризм. Если в отношении экономики это не соответствовало реальности, поскольку Фухимори имел здесь относительную свободу рук и вводил стабилизационные меры путем декретов, то его попытки бороться с "Сендеро Луминосо", концентрируя все полномочия в руках чиновников исполнительной власти и военных, действительно вызвали сопротивление и встречные обвинения в авторитаризме, в нарушении прерогатив законодательной власти и прав человека. Для Фухимори это противостояние оказалось все более выгодным, поскольку он получил возможность возложить на конгресс вину за неспособность перуанского государства справиться с политическим терроризмом.

Проблема усугублялась общеизвестной коррупцией, неэффективностью и медлительностью перуанской судебной системы. Стали известны многочисленные случаи, когда судьи под влиянием угроз или подкупа отпускали обвиняемых в терроризме или наркобизнесе "за недостаточностью улик" или назначали им смехотворно низкие наказания. То же относилось и к обвинениям в коррупции в отношении видных деятелей предыдущего правительства. В конце 1991-го - начале 1992 года в стране сложилась ситуация институционального и правового тупика, в которой президент объявлял себя выразителем воли народа, уставшего от слабости и коррумпированности традиционных государственных институтов и их ужасающей медлительности и неэффективности [10].

5 апреля 1992 года Фухимори, опираясь на поддержку вооруженных сил, объявил о роспуске Национального конгресса, прекращении полномочий судов, приостановке действия ряда статей перуанской конституции и создании "чрезвычайного правительства национальной реконструкции". Его цели состояли в том, чтобы, во-первых, изменить конституционные положения, касающиеся представительных органов и судебной системы; во-вторых, искоренить коррупцию в судах и модернизировать устаревшую бюрократию; в-третьих, восстановить мир и порядок в стране путем применения самых жестких мер внутренней безопасности против сендеристов и наркодельцов; в-четвертых, осуществить рыночно-ориентированные экономические реформы и поднять уровень жизни в стране. "Самопереворот" Фухимори не встретил никакого сопротивления, если не считать попытки членов распущенного конгресса низложить президента. Прямо или косвенно он был поддержан подавляющим большинством населения, жаждущего наведения порядка. Только часть политической элиты - депутаты и сенаторы, лидеры партий, интеллектуалы и журналисты - выразила протест против антиконституционных действий президента. Стремление к порядку и минимальной стабильности перевесило и социальное недовольство одних, и демократические предпочтения других. Уровень поддержки Фухимори в апреле 1992 года достигал почти 90%, а затем стабильно держался на уровне 65% до президентских выборов 1995 года [6, p. 553].

Освободившись от стеснявших его пут законодательной и судебной власти, Фухимори смог в короткие сроки достичь своей важнейшей цели - нанести сокрушительное военное поражение "Сендеро Луминосо" и другой, более умеренной леворадикальной организации - Революционному движению Тупак Амару. Успехи обеспечили ему дополнительный кредит доверия для осуществления намеченной реформы политической системы. В ноябре 1992 года были проведены выборы в Демократический конституционный конгресс, который в течение года разрабатывал новую конституцию страны, принятую на общенациональном референдуме в октябре 1993 года. Эта важнейшая политическая кампания, целью которой была институционализация нового режима, оказалась, однако, не столь успешной для Фухимори, как предыдущие его шаги. Практически все политические партии бойкотировали выборы 1992 года, но даже в этих условиях поддерживавшие президента организации и беспартийные политики смогли набрать чуть больше половины голосов. Оппозиции удалось организовать широкое движение против принятия новой конституции, и президент, рассчитывавший, что референдум станет плебисцитом в его поддержку, вынужден был довольствоваться 53% голосов, при том, что в половине департаментов страны большинство избирателей проголосовало отрицательно.

Тем не менее новая конституция была принята. Она существенно перераспределяла полномочия в пользу исполнительной власти, наделив президента правом распускать конгресс в случае вынесения им вотума недоверия двум составам правительства, и разрешала переизбрание действующего президента на второй срок подряд. Устанавливался новый порядок назначения судей особым Судебным советом, чтобы исключить их политическую зависимость от исполнительной и законодательной власти; усиливалась административная централизация путем большего подчинения органов власти в департаментах и муниципалитетах центральному правительству в

Лиме, отменялись гарантии социальных прав, содержащиеся в предыдущей конституции. В 1993 году в соответствии с новой конституцией были проведены парламентские выборы, на которых Фухимори смог обеспечить себе устойчивое и послушное большинство.

Таким образом, Фухимори, за которым в 1990 году стоял лишь пестрый конгломерат политических аутсайдеров, удалось за три года радикальным образом перестроить политическую систему Перу в соответствии с собственным авторитарным проектом, не только не встретив сколько-нибудь эффективного сопротивления, но и получив открытую или молчаливую поддержку основных социальных групп и слоев. В Перу, по сути, обрушились все демократические репрезентативные институты, изменилась природа политического строя, который теперь стал обеспечивать режим личной власти, функционирующий в рамках формально демократических процедур. Чем объяснить, что удар, нанесенный Фухимори институтам представительной демократии, оказался настолько успешным?

Думаю, важнейшую роль в этом сыграло то многоплановое воздействие, которое оказала экономическая реформа и способы ее проведения на перуанское общество и политику. Во-первых, модель структурного урегулирования, осуществлявшаяся в Перу, с самого начала исключала какое-либо обсуждение экономической политики в представительных институтах, поиск согласований и компромиссов. Если решения принимаются одновременно и секретно исполнительной властью (а по-другому они и не могут приниматься, по крайней мере на этапе экономической стабилизации), то, естественно, возрастает роль президентских структур и уменьшается роль парламента и политических партий. Политика структурного урегулирования, в особенности в ситуации острейшего экономического кризиса, сама по себе ведет к сокращению пространства публичного диалога, к сужению каналов эффективного политического представительства и участия. К этому в случае Перу добавилась агрессивная пропаганда исполнительной власти, направленная против парламента и партий как институтов, в принципе излишних, мешающих эффективной работе правительства. Поскольку в предыдущий период институты представительной демократии действительно продемонстрировали крайне низкую эффективность и надежность, критическая позиция в отношении "партократии" разделялась большинством перуанцев. В общественном мнении формировалось устойчиво негативное отношение к политической сфере вообще, поскольку политика воспринималась главным образом как досадное препятствие, мешающее осуществлению экономических планов. Таким образом, экономическая реформа уже в силу своего институционального дизайна вела к прогрессивной "де-демократизации" общественной жизни [11].

Во-вторых, либерализация экономики, в особенности на ее первом этапе в 1992—1993 годах, усугубила все социальные проблемы, порожденные экономическим кризисом. По данным перуанского правительства, в 1992 году 70% населения проживало за чертой бедности, из них 30% - в условиях крайней нищеты [10, р. 33]. Рост же социального неравенства и бедности неизбежно вел к углублению кризиса представительной системы, наметившегося в предыдущее десятилетие. В ситуации социального отчаяния политические партии не могли предложить никакой реальной альтернативы ни неолиберальному экономическому курсу, ни процессу модернизации в более широком плане. В 1992 году 81% опрошенных перуанцев считали, что ни одна из существующих политических партий не представляет их интересов [11, р. 13].

Эта ситуация оказалась идеальной для утверждения "легальной" диктатуры Фухимори. Большинство бедных были безразличны к судьбе далеких от них, а то и враждебных представительных институтов, а богатые увидели в последовательности и настойчивости, с которой президент осуществлял свой экономический курс, долгожданный свет в конце туннеля и надежду на стабильность. Находящиеся между этими полюсами средние слои в большинстве своем выступили в поддержку президента как сторонники порядка любой ценой. Фухимори стал единственной общенациональной фигурой, интегрирующей самые разные, зачастую противоположные

общественные интересы. Приступив к осуществлению экономической **программы**, которая до начала 90-х годов ассоциировалась у большинства со старой политической ЭЛИТОЙ, Фухимори смог полностью отстранить эту элиту от власти и одновременно осуществить деинституционализацию политической сферы, лишив представительные органы части полномочий и поставив их под контроль исполнительной власти. Ставка исключительно на военную силу, успешно примененную для достижения главной цели - военного разгрома "Сендеро Луминосо", способствовала легитимизации силовых методов и авторитарных решений во внутренней политике Перу.

С 1994 года политика экономической либерализации начала приносить плоды: в Перу возобновляется экономический рост (12,7% в 1994 году и 7,7% в 1995 году), начинается оживление промышленного производства в приватизированных секторах, впервые отмечен рост занятости. Экономические успехи еще больше укрепили положение Фухимори перед президентскими выборами 1995 года, на которых он уже в первом туре одерживает победу с 65% голосов. Большая часть оппозиции объединилась на этих выборах вокруг фигуры бывшего генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра, пытаясь воспроизвести в Перу ту модель действий, которую чилийские демократические силы применили в 1989 году против А. Пиночета. Однако оппозиции не удалось убедить перуанцев в своей способности эффективно управлять страной с помощью демократических методов и предложить экономическую модель, не ведущую к углублению социального неравенства. Большинство из них оказалось глухо к политическим аргументам оппозиции: соображения политической и экономической стабильности и порядка перевесили и многочисленные свидетельства вопиющих нарушений прав человека, и многообразное присутствие военных в ключевых сферах государственного управления, и очевидные связи воинских начальников с наркомафией, и многое другое. Общество, говоря словами Р. Леттса, сознательно встало на сторону победителей во внутренней войне.

Таким образом, в 90-е годы произошли решающие изменения во взаимоотношениях государства и общества в Перу. Эти изменения подводят определенный итог тем противоречивым тенденциям социального и политического развития, которые действовали здесь на протяжении всего XX века. Процессы становления гражданского общества, которые казались очень плодотворными в последние десятилетия и которые в значительной мере компенсировали слабость государства, оказались в высокой степени обратимыми. Глубокий экономический кризис, стимулировавший самоорганизацию и автономные тенденции в обществе, одновременно способствовал ослаблению социальной ткани и ее нарастающей атомизации. В то же время сначала экономический кризис, а затем неолиберальные экономические реформы вели к такой трансформации государства в Перу, при которой оно все больше утрачивало институциональные связи с обществом. "Выхолащивание" институтов представительной власти, концентрация большей части реальных полномочий в руках президентских структур превращают Перу в "институциональную пустыню", что не только сокращает возможности демократического развития страны в будущем, но и ослабляет само государство.

С небольшой долей преувеличения можно сказать, что современная Перу является идеальным местом для осуществления неолиберального экономического проекта в его самом вульгарном варианте. Это место почти полностью очищено и от государственной экономики, и от самого государства, и от старой представительной политической системы, и даже от общества и его ассоциаций. Человек, индивид оставлен один на один с "оголенными, неинституционализированными властными отношениями" [1, р. 57]. Думается, что та модель отношений власти и атомизированного социума, которая кристаллизовалась в Перу в период правления Фухимори, представляет собой достаточно долговременный вариант социального развития, обусловленный особенностями модернизации в стране со слабыми автономными ассоциациями гражданского общества и слабыми государственными институ-тами.

Будучи представлен в Перу, в силу исторических особенностей ее развития, в наиболее радикальном виде, такой вариант развития, по-видимому, характерен не только для этой страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *O'Donnell G.* Delegation Democracy // *Journal of Democracy*. 1994. Vol. 5. № 1.
2. *Vargas Llosa M.* El pez en el agua. Memorias. Barcelona, 1993.
3. *Andrianzen A.* Lo popular y las nuevas identidades // *Andrianzen A., Ballon E.* (eds.). Lo popular en America Latina, ¿una vision en crisis? Lima, 1992. P. 164.
4. *Stepan A.* The State and Society. Pery in Comparative Perspective. Princeton, 1978.
5. *Ворожейкина Т.Е.* Социальные последствия российских реформ в свете опыта Латинской Америки // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 6.
6. *Stokes S.* Economic Reform and Public Opinion in Pery. 1990-1995 // *Comparative Political Studies*. 1996. Vol. 29. № 5. P. 546.
7. *de Soto E.* The Other Path: The Invisible Revolution in the Third World. London, 1989. P. 235.
8. *Degregori C.I.* Que dificil es ser dios. Ideologia y violencia politica en Sendero Luminoso. Lima, 1990. P. 23.
9. *Lausent-Herrera I.* Le parcours difficile de la communaute japonaise au Perou // *Problemes d'Amérique Latine*. 1990. № 97. P. 48.
10. *Ferrero Costa E.* Peru's Presidential Coup // *Journal of Democracy*. 1993. Vol. 4. № 1. P. 30-32.
11. *Andrianzen A.* Democracia y partidos en el Peru // *Pretextos*. 1992. № 3-4. P. 8, 9.

© Т. Ворожейкина. 1998